

Перспективы человека

Осенью 1992 г. в Москве планируется проведение съезда Гуманистического интернационала. «ОНС» стал первым из отечественных изданий, заинтересовавшимся работой этой общественной организации, которая объединяет европейские и американские партии со сходной идейной и политической платформой. В № 6 за 1991 г. была опубликована информация о Гуманистическом интернационале, а также тексты выступлений (Г. Г. Уидобро, А. Назаретяна, Л. Никитич) на семинаре, посвященном концепции гуманизма.

Возникшая дискуссия привлекла внимание читателей. (См. статьи Н. Моисеева, Ю. Школенко, Е. Седова. «ОНС», 1992, № 3, 4). Мы продолжаем публиковать поступившие отклики. Помещаем также ответ автора выступления, послужившего поводом к дискуссии. Этим, конечно, не завершается обсуждение проблем гуманизма и перспектив человека на страницах журнала.

Илья НОВИК

Гуманизм—демократия—глобализм

Для системного анализа различных сторон общественной жизни, перспектив цивилизации существенны понятия «глобальная система», «глобальность», «глобализация», которые характеризуют специфику современного мироустройства и мироразвития. Нередко эти понятия служат для вычленения специальной проблемы, разрабатываемой наряду с другими — социальными, экономическими и пр.— проблемами или в связи с ними. В то же время я убежден, что анализ экономических, социальных, политических и иных современных процессов должен включить их «глобальный срез», глобальные характеристики, чтобы было возможно добраться до их сути. Эта методологическая ориентация выступает существенной характеристикой современного системного подхода к общественным явлениям.

Мировая демократия и тоталитаризм

Глобальная система определяется как интегральный комплекс: человечество и природные условия его существования. С точки зрения такого обобщенного определения глобальность оказывается некоторой объективной характеристикой социального процесса. В термине «глобальный» более явственно, чем в термине «планетарный», выражен момент приоритетности социального фактора над природным.

Глобализация в свете обобщенного системного анализа, интегрирующего в себе формализованные и неформализованные подходы, означает, во-первых, процесс сближения различных «частей» человечества и его интеграцию в целостную систему; во-вторых, более тесное объединение общества с природой. Констатируя эти общие черты объективного процесса

Новик И. П.— доктор философских наук, заведующий лабораторией Института системного анализа РАН.

глобализации, необходимо указать на то, что он полиальтернативен. Альтернативы выступают по отношению друг к другу в различных планах и на различных уровнях общности.

Прежде всего необходимо отметить, что людям безразлична та социальная форма, в которой будет осуществляться интеграция человечества в целостную систему. Думается, что наиболее общие альтернативы здесь — тоталитаризм и демократия. Причем основной узел этой альтернативы находится в России. Поэтому в конце XX в. одной из главных глобальных проблем стала региональная — создание стабильной российской демократии как важнейшей предпосылки мировой демократии.

Глобализация — это более общая тенденция, одной из возможных форм которой выступает демократизация. Логически и фактологически не исключена возможность реализации глобальных тенденций и в тоталитарном ключе, т. е. человечество в целом может подвергнуться насильственной интеграции. Недавние попытки двух стран — Германии и СССР — осуществить формирование единого человечества путем насилия и даже тотального уничтожения «ненужных» и «вредных» «частей» человечества свидетельствуют о том, что эта альтернатива имела реальные исторические основания. Правда, ее осуществление в настоящее время в глобальном масштабе маловероятно, а скорее всего, эта вероятность нулевая (хотя локальные рецидивы тоталитаризма не исключены). Действительно, глобальная тоталитарная система, если бы она каким-то образом могла образоваться, просуществовала бы очень недолго, что объясняется ее экономической неэффективностью, а также экологическими факторами. Уже сам гигантский масштаб крайние дорогостоящего аппарата насилия в тоталитарии не дал бы возможности выделить необходимые средства для поддержания экологического равновесия, и в результате пронизанное насилием мировое тоталитарное сообщество весьма быстро вызвало бы экологический коллапс.

Более вероятна промежуточная альтернатива — возможность сочетания на планете тоталитарных и демократических порядков и борьбы между ними. Динамика этой промежуточной альтернативы зависит от степени сплоченности демократических стран, совместно противостоящих очагам тоталитаризма.

Для оценки перспектив цивилизации существенно понятие «мировая демократия». Мировая демократия — это система локальных и региональных демократий, складывающаяся путем их консолидации. Мировая демократия обозначает анти тоталитарное становление глобальной системы. Эволюция мирового процесса в этом направлении опирается на определенные предпосылки.

Демократия как социальная структура, составленная из трех основных элементов — принятие решений большинством, гарантия прав меньшинств, реальная обратимость социальных изменений в случае обнаружения их нерациональности и негуманности, — последовательно реализуется лишь в глобальном масштабе, т. е. когда образуется международная демократическая среда, задающая тон в мировом развитии. В свою очередь, глобальность реализуема в рациональных и гуманных формах лишь на фундаменте локальных и региональных демократий. Стало быть, важнейшая системная закономерность нынешнего мирового развития выражается в примате демократического над глобалистическим. Только предварительное установление демократии способно обеспечить последующее формирование оптимальной для человечества глобальной системы.

Определяющей чертой сложного системного процесса формирования мировой демократии как глобальной системы служат добровольность и ненасильственность интеграции стран, народов, людей. Показательный пример разворачивается у нас перед глазами — процессы интеграции в Западной Европе: ее граждане, наконец, перестали называть друг друга «бошами», «макаронниками» и т. п. и превращаются в «братьев по экю». В первооснове подобной перестройки — экономическая состоятельность людей, впитавших «комплекс»: работать ради себя, чтобы получить общий полезный, хотя и совсем не чудодейственный результат для всех. Еще Аристотель метко сказал, «что, хотя все или большинство желают прекрасного, выбор свой останавливают все-таки на выгодном»¹. Значит, надо создать такие условия, при которых выгодным будет прекрасное.

Интегральный индивидуализм и «философское преступление»

Что же для этого нужно? В методологическом плане прежде всего — переосмыслить тезис Аристотеля, полагавшего: раз необходимо, чтобы целое предшествовало части, значит «первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас»². Нет, ныне не так! По крайней мере на пороге XXI столетия. Поскольку необходимо, чтобы целое предшествовало части,

¹ А р и с т о т е л ь . Сочинения в 4-х томах. Т. 4. М., 1984, с. 240—241.

² Там же, с. 379.

постольку первичным должен быть индивид, а государство — лишь важной подсистемой в системе условий, обеспечивающих его процветание. От этого человек не перестает быть «животным политическим», и остается в полной силе тезис Аристотеля, ссылающегося в свою очередь, на Гомера, что человек «без роду, без племени, вне законов, без очага» только и жаждет войны, «сравнить его можно с изолированной пешкой на игральной доске»³.

Индивид, безудержно и в то же время нерасчетливо обманывающий и грабящий других, неразумен: сегодня награбив (даже если ему объяснили, что он грабит ранее награбленное), он завтра становится беспомощной щепкой в игре развязанных им же, но разбушевавшихся уже вне его контроля тоталитарных сил.

Концепция примата индивида в его самоутверждении и самореализации по отношению к функционированию общества (что само по себе вовсе не ставит под сомнение факт производности индивида от общества в его генезисе) формирует краеугольный камень философии демократии, взятой под системным углом целостной демократии, равно охватывающей всех, но не в их единичных телесно-духовных структурах, а в отношении всеобщих равных возможностей самореализации. Именно: ныне речь идет о демократии для всех, кто не нарушает международно признанный комплекс обязанностей.

В прежние же времена преобладала концепция частичной демократии, из которой исключались целые страны и этносы. Так, Аристотель с классическим простодушием аргументировал: «Очевидно, во всяком случае, что одни люди по природе свободные, другие — рабы, и этим последним быть рабами и полезно, и справедливо»⁴. Бесспорно, рабство возникло задолго до Аристотеля, не он его установил, он его всего лишь философски оправдал. Думается, философское оправдание наличного бытия входит в работу философского цеха. Это оправдание чаще всего бывает не очень красивым, хотя нередко приходится сталкиваться с тем, что можно назвать философским преступлением. Оно (своего рода духовное подстрекательство) реализуется как раз в условиях, когда от имени философии предлагается некоторая насильственная, ложно выдаваемая за рациональную, реконструкция сложившейся социальной ситуации. Здесь философия — древнейшая из наук, сохраняющая во все века определенную долю своего авторитета, попадает в область беспредела, ее разрушительные призывы становятся социально опасными. Наступает та форма свободы мнений, которая заставляет отступать нормы порядочности.

Мне представляется, что таким запредельным философским преступлением был призыв Ницше построить общество «без моралина», реконструировать его в интересах «Сверхчеловека». Это не просто заблуждение, а преступление против гуманных правил, необходимых для претендующих принадлежать к философскому цеху.

Другой пример, нам более близкий. Когда В. Ленин в 1917 г. призывал замученные раздорами и конфликтами народы России поступить в соответствии с научными рекомендациями Маркса (правда, сильно модифицированными), это могло быть извинительным заблуждением. Но далее программу реконструкции России на базе некоторой теории Ленин дополнил операциональным, более доступным сознанию крестьян лозунгом: «Грабь награбленное». Хотя лозунг представлялся локальным на триумфальном пути к социализму, он не мог не иметь трагических последствий — сначала уничтожили поместья и помещиков, потом творческую часть крестьян, затем наступил беспредел тотального насилия.

Это было, на мой взгляд, философским преступлением. Обратимся опять к Аристотелю, который в «Политике», характеризуя первую из причин государственных переворотов, писал: «В демократиях перевороты чаще всего вызываются необузданностью демагогов, которые, с одной стороны, путем ложных доносов по частным делам на состоятельных людей заставляют этих последних сплотиться (ведь общий страх объединяет и злейших врагов), а с другой стороны, натравливают на них народную массу». Нельзя было в XX в. не знать, что натравливание бедных на богатых фактически при отсутствии законопорядка и парламентских свобод не может не вести к дурной бесконечности беспредельного нарастания тирании.

Бесспорно, в этих беглых замечаниях лишь ставится вопрос о философском преступлении Ленина в 1917 г., когда ростки демократии были радикально задушены, а сознание не имеющих политического опыта народных масс глубоко деформировано под углом зрения

³ Там же.

⁴ Там же, с. 384.

⁵ Там же, с. 536.

апологии насилия во имя, как оказалось, сиюминутных, преходящих выгод имущественного передела (переданная крестьянам земля, как известно, вскоре была у них отобрана, что вновь возродило в стране крепостничество в еще более жестких и лицемерных формах, чем в XIX в.).

Ответом же на этот вопрос могла бы служить подготовка некоторой «цветной» («Черной», «Красной», «Белой») парламентской книги. Но здесь нашему, еще не вполне преодолевшему тоталитаризм обществу, видимо, не хватает разумной меры радикализма, что, конечно, не может не сеять среди реакционных кругов иллюзий легкого возврата к прежним способам правления и жизни.

О системе «гуманизм—демократия»

Гуманизм и демократия — две подсистемы единой перспективной для выживания людей системы гуманно-демократических связей. Гуманное отношение к другим оказывается в конечном счете выгодным для всех на достигшем цивилизованности рынке. Гуманизм в высших своих проявлениях — как мировоззрение уважения к человеку, ненасилия по отношению к нему — сам становится оптимальным прагматизмом, т. е. реальным инструментом реализации демократии и в то же время ее ограничителем и регулятором, ибо антигуманная демократия люмпенов создает беспредел, ведет к фашизму. Демократия, в свою очередь, выступает практической реализацией гуманизма. Система «гуманизм — демократия» оптимальна и наиболее устойчива в исторической эволюции.

В этой связи обращает на себя внимание дискуссия о природе гуманизма под углом зрения перспектив человека, материалы которой публиковались в журнале. В статьях Г. Г. Уидобро, А. Назаретяна и Л. Никитич разрабатываются гуманистические концепции в их всемирном звучании.

Я бы хотел специально остановиться на позиции Назаретяна. Пафос его статьи состоит в том, чтобы подготовить человека к усвоению грядущей «сверхчеловеческой цивилизации», которая будет строиться на следующих тезисах: человек — не венец творения, не все в действительном человеке равноценно, и ради продолжения эволюции целесообразно пожертвовать его двоякой биоинтеллектуальной сущностью; есть ценности более высокие, чем человек в его качественной определенности,— цивилизация, интеллект (в их развитии); человеческая история составляет только одну из конечных стадий в эпоху перехода от человеческой к постчеловеческой цивилизации. Поэтому задача гуманизма в том, чтобы способствовать по возможности безболезненному вращению человека в новую реальность, уберечь его от разочарования и деструктивных настроений. Эта логически непротиворечивая система аргументов все же, на мой взгляд, страдает некоторым несовершенством, которое можно было бы назвать «синдромом Циолковского». Вроде все, казалось бы, логически четко: Земля — колыбель человечества, но нельзя же вечно жить в колыбели, стало быть, будущее человека — в Космосе.

Однако, думается, здесь срабатывает внешняя логика, а внутренняя социальная логика состоит в том, что, призывая покинуть Землю, мы ускоряем процесс ликвидации нашей планеты, строим, по существу, концепцию геонигилизма. Абстрактная истина, вырванная из ее исторических временных пределов, становится беспредельной и потому опасной.

Точно так же, если мы говорим: человек — «не венец», то рискуем прийти к концепции гомонигилизма и ускорить и так интенсивно идущий процесс самоликвидации человека. Неконструктивно смотреть на мир антилопы глазами льва. Думается, что и человек, обуреваемый мучительными страстями, переживающий реальную угрозу гибели, не должен заботиться об обустройстве постчеловеческой цивилизации, если вообще таковая возможна (ведь развитие не обязательно должно быть вечнопоступательным, но может быть и циклическим). Главная задача обозримого будущего — это выживание человека. Ведь если человек не выживет, то ничего постчеловеческого вообще не может быть. Не стоит, думается, рассредоточивать мировоззренческие позиции — их следует сконцентрировать именно на проблеме выживания. И если, Бог даст, в XXI в. человечество ее решит, то можно будет задуматься и о постчеловеческом. Сейчас задачам человеческого выживания лучше всего отвечает концепция гуманизма с ее рационально антропоцентрической направленностью.

Традицию гуманизма следует обобщать прежде всего под углом зрения сращивания гуманизма и демократии в единой системе. Эта система обеспечивает при своей реализации максимальную статистическую устойчивость социального процесса.

Вместо лжегуманной детерминистической иллюзии осчастливить сверху в обязательном порядке всех и вся за основу берется естественная динамика счастья—несчастья в пределах жизни каждого отдельного индивида. Действительно, индивидуальное счастье не есть некоторое раз навсегда установленное состояние, оно представляет собой динамический процесс, имеющий две составляющие — статистику индивидуальной судьбы (со всеми ее вероятностно понимаемыми случайностями генетико-социального плана) и максимально надежную подстраховку со стороны общества.

Да и в оптимальном варианте индивидуальной судьбы, заключенном в отсутствии несчастий и в обладании предельно возможной свободой, «счастье для всякого неодинаково». Остроумно и озорно об этом писал зрелый А. Пушкин в 1835 г. в отрывке:

К кастрату раз пришел скрипач.
Он был бедняк, а тот богач.
«Смотри,— сказал певец без...
Мои алмазы, изумруды —
Я их от скуки разбираю.
А! Кстати, брат,— он продолжал, —
Когда тебе бывает скучно,
Ты что творишь, сказать прошу».
В ответ бедняга равнодушно:
«Я? я... себе чешу»⁶.

Да, кастрированное богатство — прекрасный образ, который говорит нам о возможном наличии в процессе онтогенеза индивида некоторого закона сохранения: счастье + несчастье = const. Счастье оказывается пульсирующим для разумного индивида — в некоторых точках его жизненной траектории оно есть, в других нет. Человек же, который всегда счастлив, видимо, сильно ограничен.

Свободная игра в индивидуальном развитии статистических сил при наличии социальной подстраховки дает существенный облагораживающий эффект для всего общества. Оно обретает черты устойчивой поступательной эволюции, когда свободное развитие каждого выступает предпосылкой свободного развития всех.

Еще Аристотель, противопоставляя аристократию и политику, писал: «Те государственные устройства, которые отклоняются более в сторону олигархии, называют аристократическими, а те, которые более склоняются в сторону демократии,— политиями. Поэтому последние более прочны, чем первые: большинство имеет большую силу, и люди больше любят порядок, при котором осуществляется равноправие, тогда как обладатели большего состояния, если государственный строй предоставит им значительный перевес, стремятся проявить наглость и корыстолюбие»⁷. А наглость и корыстолюбие правителей, по Аристотелю, одна из причин внутренних распри в социуме⁸.

Подчеркивая, что те, кто губит состоятельных людей или народную массу «слишком решительными законами, в сущности, разрушают государственный строй», он замечает, что «государственное устройство, основанное на господстве средних, ближе к демократии» и поэтому обеспечивает наибольшую социальную безопасность⁹.

Социально-экономическая база системы «гуманизм—демократия»

Как догадывался уже Аристотель, важнейшую подсистему этой базы составляют «средние» или, по современной терминологии, «средний класс» — совокупность экономически состоятельных, но не чрезмерно богатых людей. В такой либеральной демократии, как США, число членов среднего класса приближается к 90% населения, что и при временной неблагоприятной экономической конъюнктуре позволяет сохранять господство гуманистических ценностей в масштабах всего социума.

Начальный этап развития этих ценностей восходит к Новому курсу Ф. Рузвельта¹⁰. В

⁶ Пушкин А.С. Сочинения в 3-х томах. Т. 1. М., 1985, с. 578.

⁷ Аристотель. Указ. соч., с. 542.

⁸ Там же, с. 530.

⁹ Там же, с. 550, 529.

¹⁰ См. об этом подробнее в статье В. Согрина «Идеология умерла. Да здравствуют идеологии?». «Общественные науки и современность», 1991, № 4.

основу этого курса было положено государственное регулирование, направленное прежде всего на развитие промышленного производства, пережившего чудовищный спад (снижение показателей более чем на половину). В итоге гуманизации рыночного механизма был установлен общенациональный минимум оплаты одного часа рабочего времени, который затем регулярно повышался.

Постоянно совершенствовался и подоходный налог так, чтобы стало возможным перераспределять часть богатства на подстраховку сравнительно бедных и в то же время стимулировать развитие производства и интенсивное обновление основных фондов промышленности.

Для интенсификации внедрения на рынок всякого рода технических и социально-организационных инноваций умело использовалось маневрирование размерами банковского кредитного процента.

Вполне понятно, что постоянное усиление «средних» все больше минимизировало возможность господства крайних «правых» и «левых».

Уровень развития социума определяется не только мерой его статистической устойчивости, не только правильностью избранной стратегии развития, но и возможностью исправления ошибок. Как раз гуманистический демократизм создает наилучшие условия для социальной обратимости, которая обеспечивает подстраховку от длительного инерционного движения по неверному пути. Эта подстраховка и достигается относительной локальной реконструкцией социума в плане локальной обратимости процессов, выявивших свою вредность для людей. Например, выявилась ошибочность стратегии, направленной на тотальное покорение природы человеком, и демократическое общество весьма эффективно переходит на природосберегающую стратегию с помощью все тех же универсальных рыночных механизмов.

Здесь существенно отметить три социально-экологические иллюзии лежугманного толка, которые еще недавно были господствующими в элите советского общества, да и теперь еще не полностью преодолены:

а) главный источник экологического кризиса — классовый, заключенный в корыстном интересе буржуазии, которая в погоне за сиюминутной максимальной прибылью без колебаний пойдет на любое ухудшение среды обитания нынешнего и будущих поколений землян. На деле оказалось, что социальный экологический контроль над природоразрушающими последствиями неправильного поведения на рынке достаточно эффективен. А расхитительский рефлекс — корыстный и бескорыстный — общества «всеобщей электрификации» (отсутствие стимулов сберечь — это естественная база расхитительства), когда, как говорят, «всем все до лампочки», обретает все более и более чудовищные формы;

б) общество, работающее по плану, вернее, подчиненное Госплану, легче совершит технико-экологический маневр и спасет биосферу, в то время как стихийное развитие оставляет, как известно, после себя пустыню. На деле же оказалось, что общество, по плану ориентированное на безудержный рост армии и ВПК, способно погубить и пустыню. В то время как стихия пользователя природой в условиях демократии поддается действенному контролю;

в) централизованный социум легче ограничит потребление масс и тем самым сбережет природу. В действительности же оказалось, что насильственное ограничение потребления сверху убивает творческую активность, порождает пассивность и люмпенские настроения членов общества. В то время как рыночный механизм выводит на саморегулирование потребностей. Для тех, кто злоупотребляет потреблением в кредит, создаются специальные консультативно-контрольные структуры, директивно ограничивающие потребление.

В целом для тоталитарного общества неразрешимость экологической проблемы оказывается важнейшим фактором его неустойчивости и даже гибельности. Демократия, конечно, не может разрешить экологическую проблему раз и навсегда. Но она в каждом конкретном случае путем открытого сравнения альтернатив находит временные приемлемые компромиссы, чтобы снова и снова уравновешивать для данных условий соотношение биосферы и потребностей человека.

При этом демократическое общество постоянно пересматривает свои цели, отказываясь от одних в силу их нереализуемости и принимая на основе разумного компромисса новые. Этот динамизм целевых установок ведет как бы к понижению «сверхвысоких» целей, но при этом реально воплощается старый гуманистический завет — стараться обеспечить максимальное счастье максимальному числу людей.

В противоположность этому в тоталитарном социуме реальные люди приносятся в жертву нереалистическим целям, установленным тираном единолично, а многочисленные холоуи с помощью «единственно-научных» методов все точнее определяют близость заданной цели. А социум уходит в неправильном направлении все дальше и дальше...

Постоянный демократический пересмотр направлений развития и выбор из них наиболее гуманный — важнейшее условие устойчивости социума.

Систематический пересмотр альтернатив и демократический выбор из них наилучшей приводят к еще одной фундаментальной особенности демократии. Ее можно обозначить как *респонсивность* (от англ. *responsibility* — ответственность). Люди, выбрав совместно альтернативу, несут общую ответственность, если выбор оказался неверным. И движимые общим чувством вины за неверный выбор перестраивают социум без взаимного озлобления и обвинений, а напротив, на путях поиска взаимного согласия хотя бы по основным вопросам.

Респонсивность вносит в социум элемент разумного спокойствия членов общества, основанного на уверенности, что верные решения будут осуществлены, неверные пересмотрены, а их последствия скомпенсированы.

В самом механизме функционирования системы «гуманизм—демократия» заключена еще одна важная сторона. А именно, чтобы демократия успешно работала на основе выбора большинства, необходимо обеспечение гарантии прав меньшинства. Конечно, при условии правопослушности последнего. Меньшинство выполняет две необходимые информационные функции — предостерегает от опасности на пути, выбранном большинством, и контролирует поползновения властей к корыстолюбивым действиям. «Но самое главное при всяком государственном строе,— подчеркивал Аристотель,— это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться»¹¹.

Однако, если данные функции извращаются, например, контроль за поведением выборных лиц превращается в голословную клевету (все-де они обогащаются), то это становится формой опасного социального подстрекательства.

Еще более негуманна проявляющаяся в условиях гласности в нашей стране тенденция публиковать всякого рода устрашающие пророчества, в частности, о возможности нового военного путча. Не следует забывать, что в этом случае может срабатывать механизм само-реализующегося прогноза, когда заклинание, произносимое великое множество раз, начинает обретать контуры исторической необходимости, тем самым ослабляя решимость и активность масс противостоять реальной, но вовсе не фатальной опасности.

Так, демократическая пресса не раз провозглашала, что-де для совершения военного переворота имеются легко реализуемые возможности, но загвоздка лишь в отсутствии у «правых» экономической программы. Бесконечные разговоры о легкости переворота как бы подстрекают и подталкивают к нему. Но дело не только в том, что и ежу, как говорится, ясно, что при законно избранном Президенте этой легкости нет. Уже одно объявление путчиста вне закона морально убивает его в глазах народа.

В случае победы и возврата к тоталитаризму пирамидальная структура насилия выносит в точку вершины иерархической пирамиды только одного тирана. Остальные же победители постепенно уничтожаются как ставшие ненужными члены мафии. Стало быть, насильственный акт даже в случае его временного успеха крайне опасен для самих насильников. Их грызня в случае победы неизбежна. Поэтому надежные гарантии индивиду дает не членство в насильничающей и пусть даже временно торжествующей мафии, а только укрепление системы «гуманизм—демократия». Даже разоренному люмпену целесообразнее проявить выдержку в переходном процессе на пути к демократии, чем рисковать обратиться в лагерную пыль. Этот риск минимизируется лишь включением переходного периода в рамки мирного развития.

Необратимость мирного политического развития как условие обратимости экономических стратегий

В число параметров системы «гуманизм—демократия», несомненно, следует включить гарантию мирного политического развития, открывающую широкие перспективы для экономического маневрирования.

Этот параметр особенно существенен для пока что достаточно неопределенного по своим результатам процесса перехода России на общечеловеческий путь правового рыночного развития. Нет сомнений, что пока не достигнуты экономические результаты, не сформировался многочисленный слой свободных собственников, соревнующихся на рынке, процесс перехода будет таить в себе элементы неустойчивости, раздуваемые осколками старой элиты при поддержке сравнительно легко западающих и истерию отчаяния люмпенизирующихся слоев.

При отсутствии объективного экономического фактора — удачной реконструкции общества

¹¹ А р и с т о т е л ь . Указ. соч., с. 547.

на рыночной базе — особенно существенны для сохранения мирного демократического развития России следующие факторы.

1. В демократической политике важен разумный радикализм, предполагающий юридическое, и, главным образом, моральное осуждение аппаратчиков тоталитарии. Насыщение управляющих структур множеством представителей бывшей номенклатуры не может восприниматься иначе, как проявление слабости, неуверенности в себе и даже бесхребетности демократов. Даже такой, казалось бы локальный, эпизод, когда город называется Екатеринбург, а область — Свердловская, может порождать иллюзию легкости нового тоталитарного переворота... Бесспорно, недопустимо увязать в бесконечных копаниях в прошлом — это лишь содействовало бы неконструктивным силам. И провести (с помощью в том числе и законодательных средств) грань между прошлым и настоящим необходимо для более свободного преобразования социума на гуманистических началах.

2. Когда неустойчивость переходного процесса выступает как длительно действующий фактор, большую социальную значимость приобретает форма потребительского поведения перешедших во властные структуры демократов. Ведь если нишающие массы видят, что новые властители спешат преуспевать в приобретении всяческих благ, то это действует обескураживающе: получается, что любая власть — лишь средство для более усиленного потребления. Конечно, призывать демократических пастырей сплошь быть Францисками Ассизскими нереалистично. Хотя в нашем романтизированном социуме еще помнят демократического лидера Данко, который вырвал свое сердце, только чтобы за ним шли. Демократ, еще вчера рисковавший оказаться под тоталитарными танками, невольно изменяет себе, если торопится овладеть неопайками, неоспецбуфетами, неодачами...

Конечно, рефлексирующий сторонник демократии может трактовать эти несвоевременные формы демократического опережающего потребления как незначительные слабости, вспоминая, например, августиновское *non posse non pessare* (не может не грешить). Однако ограничивающиеся позицией здравого смысла увидят здесь несправедливость. Нельзя забывать, что главной причиной крушения политий и аристократий являются встречающиеся в самом их государственном строе отклонения от справедливости¹². Думаю, эту неблагозвучность в демократическом хоре в наших условиях вполне еще можно устранить.

3. Растущую демократию не так ослабляют бесхребетность (легко трактуемая как великодушие и пренебрежение к поверженной номенклатуре) и склонность к материальному преуспеванию, как неправомерные взаимные свары. Ведь когда парламентский демократ рычит на «мэрского» демократа, это не может не быть условным сигналом для новых нападок на зарождающийся гуманный строй еще многочисленных его противников. Конечно, демократия — это процесс бесконечной полемики всех против всех. Однако такое разворачивание беспредельного внутреннего потенциала демократии оправданно лишь при достижении необратимой устойчивости общества, которое уже не собьет больше с разумного пути организованное для насилия и действующее антиконституционно меньшинство.

Экстремистское меньшинство, играющее, например, на национальных чувствах, должно быть взято под общественный контроль как провокационная сила, несущая горести и бедствия не только другим нациям, но и закабаление своего народа. При этом важно развенчивать в демократическом обществе искажения патриотизма. В частности, нельзя согласиться с его трактовкой как обособления от других народов. Тогда он становится негуманным. А всякое преодоление национальной обособленности подстрекателями трактуется как принижение патриотизма. На это обращал внимание еще Н. Карамзин, когда в статье «О любви к отечеству и народной гордости», опубликованной в «Вестнике Европы» (1802, № 4), писал: «Петр Великий, соединив нас с Европой и показав нам выгоды просвещения, ненадолго унизил народную гордость русских».

Действительно, гуманный патриотизм не только не противостоит глобализму, а, напротив, является его подсистемой. В свою очередь, подлинный гуманизм может быть только глобальным. Стало быть, глобализм, гуманизм, демократизм — три устоя, вселяющие надежду на достойное развитие человечества и России как его органической части.

Там же, с. 542.